

Традиция паломничества на Европейском Севере в XIX в.

Паломничества получили распространение, скорее всего, на рубеже 1-11 тыс. н.э., когда вместе с христианством древнерусское общество стало осваивать новые понятия и представления христианского мира. В течение многих веков в Палестину отправлялись путники, чтобы лично поклониться святыням. В средние века их называли паломниками, так как, возвращаясь из путешествия, они приносили с собой из святых мест пальмовую ветвь, как знак своего «хождения». Массовый характер паломничества приобрело в IV в. под воздействием путешествия святой Елены в Иерусалим с целью поиска Креста, на котором был распят Иисус Христос.

На Руси традиция паломничества была воспринята вместе с крещением Руси. «Хождения» по святым местам рассматривались как главное событие в жизни странников, как подвижничество.

Судя по сообщениям, хранящимся в Тенишевском бюро, очень распространены были обетные паломничества или богомолья. До 1861 года для того, чтобы отправиться на богомолье необходимо было для начала направить прошение в консисторию для разрешения его совершить и получения паспорта на это время.⁽¹⁾ Ходили большей частью женщины и девушки, мужчины - реже. Самые распространенные поводы к совершению паломничества были следующие: неудачное замужество или желание выйти замуж; болезни детей; бесплодие; болезни родственников или собственные; неурядицы со скотиной (необъяснимые смерти, пропажа, болезни, бесплодие).

Рассказы о целительной помощи тех или иных святынь проникали в самые глухие уголки России. О некоторых даже писали в приложениях к епархиальным ведомостям. Например, в 1864 году в приложении к Вологодским епархиальным ведомостям был напечатан такой случай чудесного исцеления: «1862 года, Вологодской губернии, Устюжского уезда, Дмитриевской волости, деревни Побойца, крестьянская жена Настасья Васильева объявила, что она в продолжение 12 лет страдала от раны ужасною болью в правой ноге. Услышав о чудесах Преподобного Сильвестра, она с твердою верою в душе положила обет при малейшей возможности идти в село Воскресенское на поклонение Угоднику. В тот же самый час, как принято было такое решение, боль в ноге перестала, рана закрылась и изцеленная отправилась в Воскресенское и пройдя 500 верст к мощам Преподобного Сильвестра, благодатию Божиею не чувствует в ноге никакой боли».⁽²⁾

Крестьяне, считая паломничество богоугодным делом, предпочитали проделывать путь пешком, независимо от расстояния и времени года. Особо часто посещались ближние святыни. Их верующие считали своим долгом посетить хотя бы один раз в год. Например, в Вологодском уезде из местных святынь крестьяне особо выделяли мощи Галактиона и Иоасафа Вологодских Чудотворцев, находящихся в Свято-Духовом монастыре в Вологде и мощи Феодосия Тотемского.⁽³⁾

Хотелось бы особо обратить внимание на тот факт, что число «угодников Божиих, в пределах Вологодской епархии почивающих, прославленных церковью и местно чтимых», в конце XIX века было 73 по данным Н. Суворова. Из них одиннадцать было официально канонизировано Православной Церковью в разное время. Большая

часть, по словам самого Н. Суворова «сих святых подвижников веры и благочестия, явились победителями мира в удалении от соблазнов мира... - в сане иноческом; пять из них, на свещнике церкви - в сане епископском; пять достигли почестей высшего звания, быв некогда на земле сана княжеского; одиннадцать благоугодили Богу подвигами юродствования Христа ради; семь - украшены венцами мученическими».(4)

По этому поводу можно привести слова архиепископа Вологодского, впоследствии архиепископа Херсонского, Иннокентия: «Когда озираю мысленно паству Вологодскую, то мне кажется, что я из одного духовного рая (Киев), переселился в другой, подобный... Возрю ли на Восток? Там Прокопий Устюжский отводит молитвами своими каменную тучу, висящую над Устюгом; там Феодосий Тотемский среди сланных источников, открывает новый неизсякаемый кладезь соли духовной... Обращусь ли к Западу? Здесь обители Св. Павла Обнорского, Св. Корнилия и Арсения Комельских высятся яко твердыни духовныя в прибежище и оплот воинов Христовых, в отражение врагов видимых и невидимых. Посмотрю ли на Север? Тут, среди волн на скале каменной, вижу несокрушимое всех скал и камней раку святого Благоверного Князя Иоасафа, преподобных Петра и Василия. Приникну ли к Югу? Там почивают... основатели церкви Вологодской - священномученики Герасим, Иона и Питирим. Осмотрюсь ли кругом себя? - Се Дмитрий Прилуцкий! Се Галактион Спасокаменский! Се Герасим Киевский! Се Антоний Вологодский!...»(5)

Однако все же особым почитанием русских крестьян пользовались соловецкие угодники Зосима и Савватий. По рассказам крестьян села Покровского Борисовской волости Вологодской губернии, чаще всего ходили на Соловки в случаях нездоровья детей. Когда решали идти, то «крестьянин шел собирать муку, яйца на соловецких. Напрошенное продавал и с этими деньгами отправлялся пешком до Устюга». Там садился на пароход и бесплатно или за умеренную цену плыл в Архангельск, а дальше - «как Бог даст». По прибытии соловецких богомольцев помещали в гостинице на трое суток, кормили бесплатно и давали на обратную дорогу хлеб. Многие крестьяне Яренского уезда ходили на богомолье по обещанию в Ульяновский монастырь. Отправлялись в Ирту в Спасов день: «Два раза летом собиралось много богомольцев из всех ближайших деревень, которые стояли всенощною и литургию всю, служили сообща молебен и отдельно перед иконой Спасителя».(6)

Православный ландшафт белозерского ареала складывался на протяжении XIII - XX вв. и включал целый архипелаг обителей, локализованных на сравнительно небольшой территории, представлял собой органичную, хотя и довольно разветвленную монастырскую систему. Наиболее интенсивные «волны» монастырской колонизации Заволжской Руси приходятся на конец XIV век (Череповецкий Воскресенский, Кирилло-Белозерский, Ферапонтов монастыри), XV век (Нило-Сорская, Ворбозомская пустыни и т.д.) и XVI ст. (Кирилло-Новоезерский монастырь, Филиппо-Ирапская, Иродионово-Илоезерская пустыни, Горицкий Воскресенский монастырь, Покровский Шухтовский монастырь и др.). В следующие века число основанных монастырей было не столь велико. В крае было учреждено более 30 иноческих общин.(7)

В XIX в. в храмах функционирующих и некогда упраздненных белозерских монастырей, основанных в период с XIV по конец XVI веков, находились святые мощи их родоначальников и их восприемников двенадцати преподобных. Вне белозерских пределов погребенным оказался лишь прп. Ферапонт Белозерский. Его мощи были похоронены в Лужицком Можайском монастыре Московской епархии.

Вообще Русский Север отличался обилием мест поклонения, известных не только присутствием мощей св. подвижников. Если взять для примера один только уезд Архангельской губернии - Шенкурский, то в XVIII веке из 99 церквей, находящихся на его

территории, в пяти имелись богоявленные и чудотворные иконы, шесть храмов были обетными, а в трех находились мощи св. подвижников, то есть все эти храмы являлись местом постоянного паломничества богомольцев.(8)

Одними из особо чтимых икон в Архангельской епархии были: образ Божьей Матери «Всех скорбящих радость» в Топецком приходе, которую, по преданию старожилов, крестьянин Бурмакин, плывущий в Архангельск по Двине, увидел на поверхности воды. Взял ее и поместил в клетки своего дома. Слух об этой иконе привлек огромное количество богомольцев и для того, чтобы она была доступна поклонению каждого приходящего, образ был передан около 1790 года в местную церковь Рождества Христова(9); явленная икона Св. Троицы, находившаяся в Мезенском уезде, Лампоженском приходе. Величиной она была «в 1 вершок, изваянная из меди и впоследствии позолоченная». По преданию, в 1602 году был в этой местности страшный голод и три лампоженских крестьянина поехали для покупки хлеба в Чокольскую волость. Один из них близ деревни Шаймогорской, в стороне от дороги, на только что вытаявшем снегу увидел икону (1 февраля), и привез ее домой. Но после приезда его дочь Акилина вдруг онемела во время ужина. Жена потребовала поставить икону в церкви Св. Георгия и совершить перед ней молебен. После того, как это было выполнено, а девочка снова заговорила, и по ее желанию «учинили крестное хождение с новоявленной иконою в Заакаурскую церковь Николы Чудотворца и в церковь Рождества Богородицы в Окладниковой слободе». По свидетельству старожилов, никто в ту зиму не умер от голода(10); икона св. Варнавы во Владыченском приходе Печерского уезда. Считалось, что явилась она на дереве крестьянину Вуколу (1539 г.) и исцелила его слепорожденную дочь, давала исцеление многим в разных болезнях. Икону привозили в Новгород архиепископу Макарию, но она опять чудесным образом оказалась на месте(11); древняя храмовая икона Св. Николая, находившаяся в Мудьюжском приходе Архангельского уезда. Без этой иконы не строилась ни одна шхуна, ни один корабль. Перед дальней дорогой или после возвращения из морского плавания крестьяне считали своим долгом помолиться перед ней. К этой иконе с древности был прикреплен четырехконечный серебрянный крест, в котором хранились мощи праведного Артемия.(12)

Шли к святым иконам, родникам, камням и «колодчикам» со святой водой и пр. К дальним святыням ходили редко - на Соловецкие острова, в Киев, в Троице-Сергиеву лавру, бывало и в Иерусалим. На поклонение Фаворским святыням в Святой Земле шли простые паломники как из числа мирян, так и из духовенства. В конце XIX века осуществлялись и групповые паломничества студентов и преподавателей Московской Духовной Академии.

Храм на горе Фавор был воздвигнут, в большей степени, благодаря пожертвованиям из России. Сюда поступала из России церковная утварь, иконы. Многие русские паломники в своих записках сообщали о том, что Фаворская церковь Преображения Господня была украшена богатыми иконами в серебрянных окладах и почти все они были приношениями русских богомольцев. А. Коровицкий замечал по этому поводу: «Добраться пешком с ничтожными часто средствами на Фавор, чтобы помолиться здесь и оставить свою лепту - разве это не тот же апостольский подвиг.»(13)

К паломникам относились с уважением, по возвращении вся деревня собиралась послушать рассказы о путешествии, смотрели принесенные святыни и завидовали близким и родственникам: «Замолил и за них грехи».

Ходить старались весной или осенью, перед началом или по завершении страдных работ. Собираясь в дальний путь, выясняли, кто еще идет туда же из своей или ближних деревень. В дороге старались не вести пустых разговоров, не думать о бытовых делах, не злословить(14), таким образом, на время отрекались от мирской

жизни. Считалось непристойным ухаживать или заигрывать в пути с противоположным полом, одевались в одежду темных цветов.

Чаще всего, предмет, выполнявший роль пожертвования, нес информацию о несчастье, по поводу которого было предпринято паломничество: «Если голова болит, то повойник носили. У одного сын утонул - он сотенку положил»(15). Иногда обворачивали несколько раз больное место пеленой или полотенцем, предназначенными в жертву и оставляли у святыни.

По мнению Т. Б. Щепанской, «приношения (жертвы) делились на две категории: те, что оставались у святого места и должны были истлеть здесь нетронутые и те, что предназначались нищим или хранителю святого места. Например, с рек Устья, Ваги и Кокшеньги ходили по обету в с. Бестужево и водили туда скотину, если заболела. По народным представлениям, нужно было зайти в реку и вода исцелит. Одни давали обет зайти в воду по колено, другие - по пояс, третьи - окунуться с головой, в зависимости от тяжести заболевания. Намокшую одежду снимали и пускали по течению. Если заходили по пояс, то реке доставались штаны и юбки, а если окунались с головой - то вся одежда. «А ниже по течению - кто победнее, тот подберет».»(16)

Вещи, отданные в качестве милостыни, по обету или находящиеся в святом месте, нельзя было снова использовать, красть, присваивать - те, которые относились к первой категории. Адресат приношений, оставляемых у святого места, был один - Бог, а то, что принадлежит Богу, не может быть использовано человеком. Поэтому, ходила масса слухов по поводу неизбежного наказания за подобное нарушение. Одна из таких историй была записана Т. Б. Щепанской у Варлаамьевского колодчика на реке Ваге: «Парень был - так он годов 18-ти или 19-ти. Ходил пастухом. И ковды-то сумел сходить на этот колодчик, да кое- что побрал: там деньги оставляли, платки головные, полотенца. И потом стал выпускать коров - и у него ноги отнялись по самые бедра. Говорят, Господь наказал». (17)

Также брать здоровому, сильному человеку то, что принадлежало нищему, юродивому, хранителю св. места тоже категорически запрещалось. Все эти люди принадлежали к сакральному миру покаяния. У того же Варлаамьевского колодника жила когда-то старушка: «Принесут к Варлаамью-то хозяйки пищу, покушают, а остальное продают. А деньги-то старушке отдавали, Пелагее» (предполагалось скопить на церковь). Однако, нашлось два бандита - обманули старушку: « - Дай нам денег, мы в Медлешах церковь откроем. Деньги взяли, а старушка-то умерла. Одного-то Бог наказал - год лежал... А другой-то в сених замерз. Наказал Бог!». (18)

Кроме всего прочего, каждая святыня имела свой праздник и собирала в эти дни особенно много паломников. В такие дни устраивались угощение из принесенных ими продуктов. Подаяние нищим в святом месте воспринималось как форма обетного жертвоприношения, поэтому нищие всегда собирались в святых местах и особенно по праздникам. (19)

Возвращаясь из святых мест обязательно приносили с собой иконы, ладан, кусочки природных материалов (щепки, камешки, землю, песок и др.), славящиеся своими чудотворными целительными свойствами, воду из местных озера, реки, колодчика.

Таким образом, высокая концентрация объектов религиозного поклонения создавала все условия для активной паломнической деятельности на Европейском Севере в XIX в. Богомолья носили подвижнический, часто, покаянный характер, при этом выполняя и коммуникативную функцию.

Примечания:

1. ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 4662. Л. 3, 4, 14. Д. 4645. Л. 4, 5. Д. 4599. Л. 6.
2. Вологодские епархиальные ведомости. Прибавления. 1864. № 1-6. С. 24.
3. РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 147. Л. 28.
4. Прибавления к вологодским епархиальным ведомостям. 1864. № 1. С.22.
5. Вологодские епархиальные ведомости. Прибавления. 1864. № 1-6. С. 10-23.
6. Кремлева И. Храм - за один день. // Родина. № 11. 1994. С. 89
7. Третьякова С.В. Основатели монастырей в исторической памяти и религиозном укладе Белозерья (вторая половина XIX - первая четверть XX вв.). Дисс. ... к.и.н. Вологда. 2007. С. 143.
8. Краткое историческое описание приходов и церквей Архангельской епархии. Вып. 2. Архангельск., 1895. С.7-200.
9. Там же. С. 186-190
10. Там же. С.309-310.
11. Там же. С. 88-91.
12. Там же. С. 134.
13. Архимандрит Августин (Никитин) Путешествия к святым местам. // Арсеньевские чтения. Новгород, 1993. С. 33-36.
14. Кремлева. И. А. Обеты в народной жизни... С. 17.
15. Щепанская Т. Б. Кризисная сеть. // Русский Север. СПб., 1995. С.119.
16. Там же. С. 130-131.
17. Там же. С. 137.
18. Там же. С. 130.
19. Там же. С. 117.